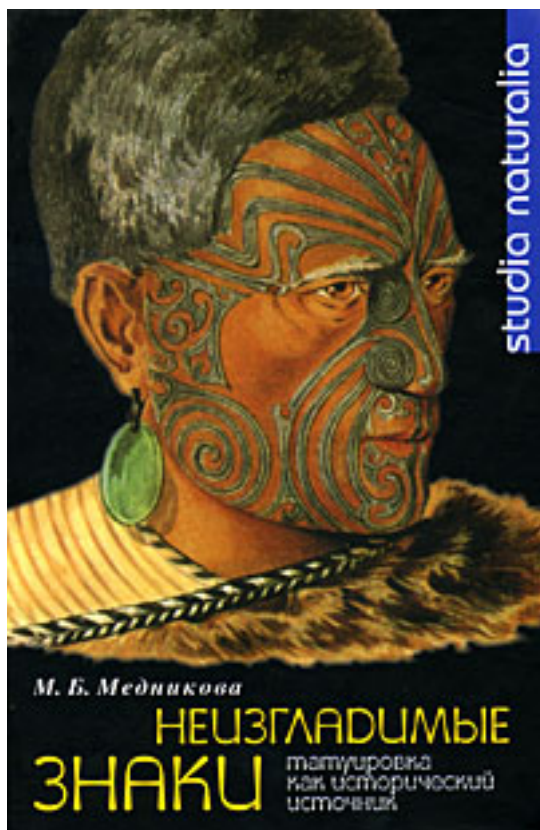

М. Б. Медникова

НЕИЗГЛАДИМЫЕ ЗНАКИ

татуировка
как исторический
источник

Мария Медникова
Неизгладимые знаки: Татуировка
как исторический источник

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180737

М. Б. Медникова. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник: Языки славянской культуры; Москва; 2007
ISBN 5-9551-0211-6

Аннотация

В отличие от других способов менять свою внешность – причесок или грима – татуировка остается навсегда. Неслучайно в глазах многих древних народов ее нанесение было делом нелегкомысленным. Когда-то жители Борнео верили, что их рисунки действуют как факелы, освещая путь умершим в кромешной темноте царства мертвых. Древние греки и римляне использовали татуировки как наказание. Для алтайских скифов наколка служила воплощением священного текста. Чем же объяснить современную популярность манипуляций с телом? Может быть, первобытное мышление не покинуло нас безвозвратно?

В книге антрополога, доктора исторических наук М. Б. Медниковой татуировки и прочие неизгладимые знаки искусственного происхождения на теле человека рассматриваются как исторический источник. Привлекаются свидетельства археологии, физической и социальной антропологии, фольклористики, анализируются памятники древней письменности. Книга содержит разработку оригинальных научных идей, подаваемых, по возможности, в достаточно популярной манере, что позволит воспользоваться этими данными специалистам разных отраслей знания.

Издание предназначено для антропологов, культурологов, историков, археологов и самого широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Татуировка: что это такое?	8
Древняя универсальная традиция	8
Способ манипуляции человеческим телом	12
«Неизгладимые знаки»	13
Разные способы нанесения татуировок	14
Основные идеи антропологов о происхождении татуировок	17
Татуировка с позиций «зооцентризма»	21
Глава 2. Источники исследования: археология, письменность, изобразительное искусство	25
Немного о мумиях. Древнейшая мумия в альпийских горах	26
Тайны пустыни Такла-Макан	28
Феномен в горах Алтая	30
Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий	36
Психология звериного стиля	37
Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков	38
Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история шрама	43
Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

М. Б. Медникова

Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник

Исследование выполнено в Институте археологии РАН в рамках тем «Природа и культура в мифологии человека» и частично «Методы изучения процессов адаптации в древних популяциях человека»

В оформлении переплета использован портрет маорийского вождя (XIX в.)

Мария Борисовна Медникова

Антрополог. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. Автор 150 научных работ, опубликованных в российских и зарубежных изданиях, в том числе книг «Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии» (М., 1995), «Трепанации у древних народов Евразии» (М., 2001), «Трепанации в древнем мире и культ головы» (М., 2004); соавтор нескольких коллективных монографий, в частности «Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования» (М., 2000). Лауреат премии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (2005). Область научных интересов: биоархеология и палеоэкология человека; реконструкция биологических и социальных аспектов жизни древнего насе-

ления. Автор стоит у истоков нового научного направления, изучающего культурные модификации человеческого тела по данным палеоантропологии.

Предисловие

На столе у каждого уважающего себя алхимика или философа в эпохи Ренессанса и Нового времени должен был стоять человеческий череп. Можно считать, что это было напоминанием о бренности всего сущего, весьма наглядным «*memento mori*».

Автор предлагаемой вашему вниманию книги по роду деятельности палеоантрополог, т. е. специалист, имеющий отношение к исследованию останков древних людей, прошел обратный путь, который можно условно озаглавить «от костей к философии». На самом деле, если говорить серьезно, антропология – наука о человеке, занимающая пограничное положение в системе естественных и гуманитарных дисциплин, по моему глубокому убеждению, способна решать самые существенные и актуальные вопросы нашей жизни.

Антропология универсальна: она систематизирует знания о происхождении биологического вида *Homo sapiens*, изучает его естественную историю и физическую организацию. В широком смысле это уже давно система наук о человеке, включающая и такие сферы изучения, которые долгое время существуют самостоятельно (например, этнология, археология и др.). Подобное понимание антропологии до сих пор сохраняется в некоторых научных школах, преимущественно англоязычных. Попытки объединить естественнонаучный взгляд на человека со знаниями о его материальной и духовной культуре, языке далеко не случайны, они восходят к философским взглядам французских просветителей XVIII в.

Возможно, именно сейчас, в начале XXI века, вновь становится особенно актуальным сведение вместе разрозненных и «специализированных» знаний, добытых представителями смежных научных дисциплин на протяжении двух столетий раздельного существования. Биологическая антропология способна только обогатиться, обратившись к данным археологии, этнографии, древней истории, даже филологии и фольклористики.

Действительно, отделить биологию от культуры, обсуждая феномен человека, исключительно трудно. К тому же, возможно, некоторые культурные явления прямо проистекают из нашей биологической сущности со свойственными ей физиологией и психологическими границами личности.

Само человеческое тело на протяжении всей истории нашего вида выступало независимым культурным феноменом.

Наглядным примером служат разнообразные свидетельства манипуляций, изменяющих внешний облик. Среди таких действий, возможно, первое место принадлежит татуировкам, как ни удивительно, не менее актуальным сегодня, чем тысячи лет назад.

Понять, почему это происходит, мы и будем стремиться. А для этого рассмотрим тело человека как явление мировой культуры, а татуировки – как важный исторический источник.

Иногда поэты в нескольких словах могут выразить то, чему ученым требуется посвятить объемные научные труды.

Илья Кормильцев в стихотворении «Атлантида», например, написал следующие строки:

ты узнаешь меня по тайному знаку
я узнаю тебя по перстню на пальце
наша память хранит забытые песни
мы умеем плясать первобытные танцы.

В известном смысле, мы все – немного «жители Атлантиды». Чтобы лучше себя понять, обратимся к свидетельствам о культурных модификациях человеческого тела в древности. Почему действия, направленные на трансформацию и даже разрушение собственной

природы, были столь популярны в прошлом и опять возрождаются сегодня? И наоборот, на каком историческом этапе развития возникло неприятие этих явлений? Я попробую ответить на эти вопросы на страницах данной книги.

Глава 1. Татуировка: что это такое?

Древняя универсальная традиция. Способ манипуляции человеческим телом. «Неизгладимые знаки». Разные способы нанесения татуировок. Основные идеи антропологов о происхождении татуировок. Татуировка с позиций «зооцентризма».

Оба пола рисуют на своих телах Tattow, так называется это на их языке. Это делается введением краски черного цвета под их кожу, таким образом, что она не смывается. У некоторых бедно украшенные фигурки людей, птиц или собак; у женщин обычно просто знак вроде Z на каждом сгибе пальцев на руках и ногах. У мужчин тоже есть похожие и многие другие различные фигуры, например круги, кресты и т. д., которые имеют они на руках и ногах...

*Их метод татуирования я должен сейчас описать...
Из дневника капитана Джеймса Кука, писанного во время его первого кругосветного плавания на барке «Эндевор» в 1768—71 гг.*

Вопрос о происхождении татуировок вообще очень сложен и не входит в наши задачи.

С. И. Руденко

Что касается телесной красоты, то, прежде чем перейти к дальнейшему, я хотел бы знать, есть ли между нами согласие в определении ее.

Похоже на то, что мы не знаем, что такое природная красота и красота вообще, ибо приписываем человеческой красоте самые различные черты, а между тем, если бы существовало какое-нибудь естественное представление о ней, мы все узнавали бы ее так же, как мы узнаем жар, исходящий от огня. Но каждый из нас рисует себе красоту по-своему:

Turpis Romano Belgicus ore color

(Цвет лица белгов постыден для римлянина).

Мишель де Монтень, «Апология Раймунда Сабундского»

Древняя универсальная традиция

Прежде чем приступить к повествованию о татуировках в их историческом разрезе, нам предстоит определиться с некоторыми основными понятиями. Что может оказаться особенно важным для нашей книги? Какой багаж идей, накопленных учеными и мыслителями всего мира, лучше всего взять с собой в дорогу?

Первым делом, постараемся понять, в чем же заключается оригинальность условного современного человека по сравнению с его предшественниками. Изменился он или нет? Здесь мы будем иметь в виду не внешние изменения, хотя в работе о татуировках внешности, конечно, должно быть уделено первостепенное внимание. Нет, в данном случае речь идет о внутренней картине мира, диктующей нам многие действия.

По словам Мирчи Элиаде (2002), оригинальность и новизна современного человека по отношению к традиционным культурам – в его стремлении рассматривать себя как существо исключительно историческое, в его стремлении жить в Космосе радикально десакрализо-

ванном, то есть рациональном и потерявшем священный статус. По словам Ю. М. Лотмана (2001), история – вообще один из побочных результатов возникновения письменности.

Человека архаического история не интересует, его не интересует время, где все течет, все изменяется. Его мысли и дела занимает то, что мы можем в наш компьютерный век назвать Матрицей Первозданного Порядка. Его история Священна, она повествует о свершениях богов и героев-просветителей, и все происходящее лишь слепки с первоначальных событий, имевших место при сотворении мира.

Отсюда одно из важнейших различий между человеком архаической культуры и современным человеком – неспособность последнего проживать свою органическую жизнь как таинство. Совсем не таков человек традиционного общества. Элементарные физиологические явления становятся для него ритуалами, помогающими приблизиться к реальности, освободиться от автоматических действий, лишенных содержания и смысла.

Наверное, поэтому манипулирование с телом в древности – неотъемлемый атрибут человеческой культуры. Чаще всего процедуры внешнего воздействия применялись при прохождении так называемых ритуалов перехода (при посвящении подростков, принятии в мужской союз, вступлении в брак, в знак траура).

В системе координат, помогавших представителям традиционных культур отсчитывать время, помимо космических реперов (наблюдений за движениями солнца, луны, звезд) основное место занимало пространство (иначе продолжительность) человеческой жизни.

С точки зрения биологии, период индивидуального развития или период онтогенеза человека подразделяется на раннее детство, отрочество, зрелость и старость. Каждый из этих этапов имеет четко выраженные психологические и физиологические особенности (мы все хорошо это знаем, наблюдая со стороны за своими детьми и родителями, братьями и сестрами). С социальной точки зрения время жизни человека традиционного общества тоже строго делилось на отрезки, наполненные разными ролями. Они во многом совпадали с периодами онтогенеза.

Рождается и растет ребенок. В традиционном обществе его достаточно поздно отнимают от груди. И вот уже первый самостоятельный возраст «от 2 до 5», когда вставший на ноги человечек активно осваивает мир. Согласно архаическим представлениям, он еще не полноправный член родовой общины. Если, не дай бог, что случится, он и похоронен будет иначе, не так, как взрослые. Года в 4 возможны первые посвятельные обряды. Но чаще это происходит в 6 лет. От 6 до примерно 10 лет – в традиционном обществе «период второго детства». Дальше идут подростки, в некоторых культурах раньше, в некоторых позже их вводят в мир людей (именно просто людей, потому что полноправные люди только взрослые). (Рис. 1.1)

Рис. 1.1. Детство – особый период в жизни представителя традиционного общества. Человека предстояло «доделать».

Человеческое тело полагалось «доделать», чтобы оно соответствовало своему новому общественному состоянию. Ведь чтобы стать подлинным человеком, необходимо тоже походить на мифическую модель. Забежим немного вперед и приведем один пример: в некоторых племенах (нуэр в Африке) 6-летним детям выламывали нижние резцы, «чтобы показать различие между человеком и животным». Заметим, что именно в 6 лет постоянные резцы сменяют молочные зубы.

Здесь знания о темпах биологического развития послужили основой для возникновения ритуала.

Переход из одной возрастной и социальной категории в другую всегда сопровождался ритуалом, как правило, болезненным, и отождествлялся с подобием смерти и последующим возрождением в новом качестве (инициация подростков, вступление в брак). Точку перехода (испытания) можно, по-видимому, соотнести в иных терминах с точкой бифуркации, с моментом раздвоения сценариев жизни и смерти. Ведь, скажем, в случае подростковой инициации можно не выдержать сложностей посвящения. Зато благополучно преодолевшие ритуалы испытания получали новое имя и «новую жизнь». Это свидетельствует об ином восприятии смерти, точнее, о семантическом равенстве смерти настоящей и ритуальной. Смерть при посвящении означала одновременно конец детства, неведения и самого состояния непосвященности. Эта мистическая кончина не содержала отрицательного эмоционального заряда, наоборот, она несла идею тотального возрождения Космоса и племени.

Как заметил Элиаде (2002, с. 16), в архаической мысли ничто лучше смерти не выражает идею «конца», завершенности, как ничто лучше, чем космогония, не выражает «творение», «деяние». Космогонический миф как абсолютная идея строительства вселенной – объект для бесконечных подражаний. Копирование космогонического творения во всех доступных формах обеспечивает гарантированный успех в любой созидательной деятельности.

«Воссоздание мифа» и происходило во время ритуалов посвящения. Причем посвящаемых условно можно делить на три категории. Первая – наиболее многочисленная, к ней относятся лица обоих полов, достигшие соответствующего возраста. Вторая категория – вступающие в тайный союз представителей одного пола (были в истории союзы мужские, но были и женские тайные общества). И, наконец, наиболее ответственные испытания предстояло перенести будущим специалистам в области сакрального – шаманам и колдунам.

Прошедшие обряды люди несли на своем теле, в прическах и одежде соответствующие знаки, обозначавшие их социальный статус и этническую принадлежность, т. е. своеобразный сакральный текст. Манипуляции с телом и их последствия имели огромное информационное и психологическое значение для жизни представителей общества традиционной культуры. Не исключено, что они вообще оказали исключительное воздействие на становление «разумного человечества». Считают же некоторые антропологи, что действия, сопряженные с манипулированием телом покойного сородича, помогали умерить агрессию еще питекантропам и стали важным фактором социализации уже на стадии эволюционного развития, предшествовавшей появлению *Homo sapiens sapiens*.

Феноменология тела находит неожиданный отклик в работах современного философа В. А. Подороги. Он предлагает мыслить образ тела в образах становления, как совокупность порогов: «объект», «мое тело», «аффект». «Мы в каждый конкретный момент являемся смешанными телами – состояниями... мы всегда пересекаем этот уникальный порог становления, изменяя дистанции, обрывая и возобновляя коммуникации с собой и с Другим,

захватывая и отдавая свои экзистенциальные территории, преобразуясь из одних тел в другие...» (Подорога, 1995, с. 20).

Слишком сложно? Ну что же, попробуем начать иначе...

Способ манипуляции человеческим телом

Татуировка – один из способов манипулировать человеческим телом, включающий нанесение шрамов, рубцов, прокалывание, прижигание.

В отличие от других способов менять свою внешность, например, причесок или грима, татуировка, как правило, остается навсегда. Уже одно это слово «навсегда» должно привлечь наше особое внимание...

Следовательно, в глазах наших предков нанесение татуировок было делом не легкомысленным. Считается, что фактические доказательства практики татуирования в древнем мире распространены уже в IV тыс. до н. э. в Египте. На самом деле, по-видимому, эта традиция намного древнее и распространена гораздо шире – и в мире, давшем начало современной западной цивилизации, и на Востоке, и на бесчисленных островах мирового океана.

Европейские исследователи традиционных культур Африки, Азии и Океании составляли подробные этнографические описания, повествующие об обычаях местных народов покрывать свое тело сложными орнаментами. В то же время многие сугубо европейские традиции долгое время оставались недооцененными.

Современное слово «татуировка» («tattoo» в международном варианте) происходит от полинезийского слова «tatau».¹ Капитан Джеймс Кук, первым из европейцев, услышал и записал это выражение в 1769 году.

¹ Объяснений этому слову приводится множество. Один из возможных вариантов мы рассмотрим в четвертой главе.

«Неизгладимые знаки»

Л. Я. Штернберг, написавший более ста лет назад соответствующую статью для крупнейшей российской дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, назвал татуирование обычаем выводить на теле неизгладимые знаки. Главная особенность татуировок, в отличие, скажем, от окрашивания, заключается именно в том, что наносимые знаки становятся нестираемыми навсегда. Поэтому, если говорить о «непреходящести» как о главном критерии татуировки, то помимо введения под кожу красящих веществ к ней следует причислять и многие другие необратимые манипуляции с человеческими телами, вроде шрамирования, намеренного выбивания зубов или даже ритуальных ампутаций.

Собственно говоря, об этом писали уже первые исследователи феномена татуировок. Они обращали внимание на то, что заметный эффект в нанесении на тело узоров достигается разными способами у светлогокожего и темнокожего населения Земли. Действительно, введение красителей под кожу представителям негроидной расы или жителям тихоокеанских островов не может иметь такого эффекта, как у обитателя Северной Европы. Поэтому более употребительный и совершенный в художественном отношении способ татуировки для темнопигментированных граждан заключался в накалывании и рубцевании кожи специальными шильями, иглами, колючками, обломками раковин и тому подобными инструментами. По словам Штернберга, в таком виде татуирование напоминало процесс оспопрививания.²

² Поколение молодых людей, рожденных в восьмидесятые годы XX века, уже не застало обязательных прививок от оспы. Пожалуй, это единственный пример успешной борьбы человечества против смертельного заболевания. Всеобщая вакцинация привела к исчезновению болезни даже в странах третьего мира, и Всемирная организация здравоохранения решила прекратить оспопрививание. Сейчас сложилась любопытная ситуация. Округлые шрамы на внешней стороне предплечья приобрели новое, информационное значение. Они действительно сблизились по смыслу с татуировками, будучи способными «выдать» возраст молодежника владельца шрама.

Разные способы нанесения татуировок

По мнению Л. Штернберга, самый первобытный инструмент для татуирования – природное острое колючки. Для создания сложных рисунков уже нужны другие приспособления, состоящие из соединенных в ряды остроконечников. Красящее вещество можно вводить под кожу разными способами. Краску втирают рукой по свеженаколотому месту или работают уже окрашенным инструментом, предварительно погружая его в соответствующий раствор. В некоторых традиционных культурах применяли устройство наподобие чернильной ручки.

Материалом для красителя очень часто служили угольный порошок, разведенный в воде, сажа от домашнего очага; позже – порох. Для получения разноцветных узоров использовали киноварь и тушь.

Иногда татуировки наносили без предварительной разметки. Но, поскольку любые ошибки здесь непоправимы, рисунок иногда намечался заранее углем или даже при помощи специального штампа.

В разных культурных традициях интенсивность татуировки и шрамирования существенно варьировала. Это касалось и площади воздействия на кожные покровы, и глубины проникновения инструментов. В Японии, Новой Зеландии, на островах Пелау или на Формозе, на Маркизских островах узоры татуировки покрывали значительную часть поверхности тела, образуя живописный покров. (Рис. 1.2)

Рис. 1.2. Воин с Маркизских островов, XIX век.

Многообразие традиций не облегчает работу этнографов, пытающихся интерпретировать феномен татуировки. К примеру, в некоторых племенах татуировки наносили только представителям одного пола, в других – были приняты разные знаки для мужчин и женщин, в третьих – общий племенной знак. Иногда татуировка была знаком профессии или конфессиональной принадлежности.

Часто, по мнению европейских очевидцев, процедура нанесения неизгладимых знаков «у первобытных народов» производилась с намеренной жестокостью. (Причины такой жестокости мы рассмотрим позже.)

Наиболее болезненна скарификация или шрамирование, поскольку вместо точечных уколов эта манипуляция сопряжена с разрезанием кожных покровов. Намеренно растравляя такие раны, представители некоторых традиционных культур добивались эффекта выступающих над кожей рельефных рубцов. Использование краски при таком методе татуирования совсем не обязательно, оно диктуется лишь культурными традициями.

Нанесение клейма, т. е. выжигание раскаленным металлом, еще один способ нанести на тело неизгладимый знак. Способ известен с глубокой древности, например, применялся носителями вучедольской археологической культуры в III тыс. до н. э. на Балканах (Медникова, 2001, 2004). Клеймение или, как раньше говорили, клеймование имело широко распространение среди африканских народов.

Еще один весьма болезненный вариант – прошивка кожи с последующим извлечением ниток. Иногда эти нитки предварительно обмакиваются в краску.

Но самый ужасный, по словам Штернберга, способ производства неизгладимых знаков на теле связан с разными формами калечения. В результате делаются отверстия в щеках, носовой перегородке, губах, отрываются суставы на пальцах, выбиваются, обтачиваются или инкрустируются зубы и т. п. Самая безобидная разновидность пирсинга, перфорация ушной раковины, известная всем, кто носит сережки, в туземных культурах иногда доходит до такой крайности, что мочки ушей опускаются на плечи. (Рис. 1.3)

Рис. 1.3. Растягивание мочки уха у аборигенов Борнео.

Основные идеи антропологов о происхождении татуировок

Первоначально антропологи, пытаясь объяснить происхождение татуировок, обращали основное внимание на декоративное значение рисунков. В этом смысле несмыслимые знаки рассматривались как закономерный итог эволюции идеи окрашивать тело или как постоянное украшение, которое не надо обновлять.

Эти взгляды в полной мере проявились в переведенной с французского энциклопедии «Человек и земля» (1906), в тексте, не менее цветистом, чем причудливые узоры самой татуировки: «...Первобытный человек применял искусство и к своей собственной персоне. Существуют племена, которые не носят одежды, но никогда еще не приходилось встречать племен, которые бы не украшали свое тело; если вообще и имеются представители человечества, которые живут в одиночку, изолированно и не стараются себя украсить, то, несомненно, таких людей можно найти разве лишь в среде каких-нибудь злодеев или людей, во всем отчаявшихся. В обычной жизни, как в прежние времена, так и теперь, человек постоянно старается нравиться другим или, по крайней мере, любит себя. Человек по природе своей не располагает такими вспомогательными ресурсами, какими обладают звери, птицы и пресмыкающиеся, у которых в течении периода любви вырастают украшающие их перья или появляется яркая окраска. Ему недостаточно ярких взоров, обаятельных улыбок, чувства своей силы и здоровья: ему необходимы еще особые прически и внешние украшения. Действительно, первобытные люди несколько не меньше заботятся об украшении своей персоны, чем самые отъявленные фаты цивилизованного общества; нередко им случается проводить целые часы при создании своей сложной прически, и они гораздо сильнее увлекаются модой в выборе перьев, булавок, стекляшек и материй для украшения своего тела, чем охотой и войной. С каким наивным благоговением поворачивается во все стороны дикарь, чтобы показать все то великолепие красок, ярких и кричащих, которыми он изукрасил свои члены! Жирная земля, различные сорта глины, охры, а в тропических областях, особенно в Южной Америке, красящие плоды, например, генипа и руку, являются между объектами торговли одними из наиболее ценных. Украшения и узоры на теле различаются не только сообразно с материалами, доставляемыми различными странами, но также и сообразно с формой прически и цветом лица; сами художники, опытные в кокетстве, умеют согласовать ту или другую окраску и производимый ею эффект со всеми этими условиями. Ко внешним средствам, служащим для того, чтобы делать себя более красивыми или, в других случаях, более страшными, первобытные люди присоединяли и до сих пор присоединяют во многих странах производство на теле неизгладимых отметин, делание рубцов и надрезов, удаление частей тела, татуировку и раскрашивание тела». (Рис. 1.4)

Рис. 1.4. Спутник адмирала Крузенштерна Вильгельм фон Тиленау запечатлел калифорнийских индейцев в ритуальной раскраске (1806 г.).

Этнограф Ф. Кох-Грюнберг описывал раскраску тела индейцами Южной Америки в следующих выражениях: «Молодежь раскрашивает себя почти каждый день, и встречаются настоящие дэнди, которые занимаются изобретением новых рисунков и тратят на свой туалет не меньше времени, чем европейская девушка, собирающаяся на бал» (Народы мира, 1916, с. 68).

Татуировка казалась характерной традицией «первобытных» народов, живших к моменту их знакомства с европейскими путешественниками преимущественно в теплом климате. Поэтому первоначально она считалась некоей заменой одежды, скрывающей тело обитателей Северного полушария.

Но такая «декоративная» трактовка не могла преобладать долгое время. Под напором фактов она уступила место признанию крайнего разнообразия причин, побуждающих представителей традиционных культур модифицировать свое тело.

Феномен манипуляций с человеческим телом занял столь важное место в наблюдениях этнографов, что в начале XX века А. Хэддон мог написать:

«Уродование тела надрезами, прободение носа и ушей, выбивание зубов, нанесение точек или насечек на коже совершается в разные периоды жизни; некоторые виды уродования производятся в раннем детстве, а искусственная деформация черепа посредством дощечек или бандажей начинается часто непосредственно после рождения. Мотивы, побуждающие первобытного человека уродовать свое тело, по объяснениям туземцев, весьма разнообразны; некоторые из них правдоподобны, другие вероятны, но во многих случаях трудно найти какое-нибудь логическое основание для них.

Некоторые женщины с западных островов Торрессова пролива вырезают на теле изображение своего тотема. На Борнео и частью в Новой Гвинее некоторые татуированные знаки служат указанием, что данный человек – воин и убил врага. У иных народов татуировка разрешается только человеку свободному, и, следовательно, она является сословным

знаком. На Новой Зеландии иногда вырезывается на теле герб почетных предков. В иных случаях татуировка имеет целью сделать человека стойким против вредных животных либо излечить его или предохранить от болезни. Разрисовывание кисти руки у кайанов на Борнео препятствует удалению души из тела во время болезни, а кайанские женщины верят, что их рисунки действуют как факелы на том свете, где они, в противном случае, остались бы навсегда во тьме, такое же верование мы встречаем у народов Тихого океана. У разных народов мы находим разные объяснения обычая татуировки... Приведенных нами примеров достаточно, чтобы доказать, что первоначальным мотивом татуировки всегда было не одно только желание украсить свое тело, а, скорее всего, разнообразные цели социального или маго-религиозного характера. То же можно сказать и об искусственной деформации черепа...» (Народы мира, 1916, с. 14). (Рис. 1.5 и 1.6)

Рис. 1.5. «Пирсинг» нижней губы у ботокудов Бразилии.

Рис. 1.6. Татуировка на руке даяков Борнео.

Европейские авторы начала XX века обсуждают несколько основных мотивов татуирования – декоративный как основной, информационный и магиго-религиозный: «Желание нравиться или устрашать было не единственной причиной производимых страданий и иногда даже мук, претерпеваемых человеком при подобных операциях. Большинство племен и любой представитель каждого из них старались также отметить чем-либо свою индивидуальность, указать свое происхождение, похвалиться своими славными деяниями, удовлетворить своему тщеславию и утвердить свою славу на веки в памяти людей. У культурного человека наших дней имеется его паспорт и его документы, человек прежних времен выставлял все свои титулы пред лицом всех на своем собственном теле. Очень часто в подобных случаях отличия, к которым стремился человек, вели к уменьшению красоты, к обезображиванию его. Подобно тому, как цивилизованный человек иногда бахвалится своими пороками и преступлениями, так и дикарь хвастается своими руками, на которых не хватает пальцев, челюстями с выбитыми зубами, губами, которые растянуты кольцами, или рубцами на своем лбу. Иногда и другие причины побуждают человека обезображивать себя: носящие траур жертвуют добровольно частью своего тела в честь друга или родственника, отошедшего в

вечность, либо с той целью, чтобы последовать за ним хотя бы одною частью своего “я”, либо для того, чтобы сделать себе благосклонным дух усопшего, витающий над его очагом.

Все эти многочисленные причины ведут к одной и той же цели. Так, амулеты, предназначенные для того, чтобы защищать обладателей их от колдовства, являются в то же время и драгоценными украшениями: например, коралловое кольцо элегантной красавицы дает ей не только верную защиту от злых духов, но и выгодно оттеняет белизну ее шеи и красоту ее плеча. Татуировка, в своей первобытной форме очень грубая, сделалась затем одним из наиболее утонченных искусств; она развивалась, однако, лишь в странах, население которых может, прогрессируя в области умственного развития и техники, обходиться без одежды» (Реклю, 1906, с. 22).

Язык современных справочников более сух и рационален, но основные идеи, похоже, не изменились. В Британской энциклопедии татуировка – нанесение постоянных (долговременных) знаков или орнаментов путем введения пигмента под кожу, которое осуществлялось в большинстве частей света, кроме населения с темным цветом кожи и большинства китайцев. Орнаменты татуировок, в соответствии с представлениями разных народов, делаются с целью магической защиты против болезней и несчастий; обозначают статус человека, его принадлежность какой-либо группе. Но основной мотив татуирования – эстетический.

Татуировка с позиций «зооцентризма»

Итак, мы можем сказать, что татуировка для человека – один из способов манипулировать своим телом, фактически приводящий к искусственному изменению окраски кожных покровов. А как обстоит дело с естественной окраской тела у человека? И вообще, не вспомнить ли нам забытые большинством читателей со школы сведения об окраске животных? Это может оказаться полезным для дальнейшего повествования, ведь тезис о нашей принадлежности животному царству, кажется, никто еще не отменял (хотя попытки неизменно продолжаются).

Причины многообразия видов были открыты Ч. Дарвином, сформулировавшим понятие естественного отбора – главной движущей силы эволюционных процессов. Естественный отбор отсекает менее приспособленные варианты и способствует выживанию наиболее приспособленных к конкретным условиям среды особей. Окраска и форма тела животных – наглядный пример адаптации организмов к среде обитания.

Если живое существо не обладает средствами защиты от хищников – мощными когтями, клювом, зубами и т. п. приспособлениями – оно часто имеет покровительственную (маскирующую) окраску, делающую его незаметным на общем фоне родной для него окружающей среды. Такая окраска характерна, например, для животных пустыни или для тех, кто может полностью «слиться» визуально с местной растительностью. Иногда чтобы «раствориться» в природе, нужна не однотонная окраска, а так называемая расчленяющая, или по-научному дизруптивная (от латинского слова *disruptus* – разорванный). Скажем, у травоядного и нехищного животного зебры Гранта окраска, на первый взгляд, очень заметная, черные полосы на белом фоне. Но, оказывается, в сумерках, когда крупные африканские кошки выходят на охоту, шкура зебры неотличима от растительности. Даже при достаточно ярком освещении, если зебра стоит неподвижно, сказывается оптический эффект противотени: освещаемая солнцем часть тела окрашена темнее. Темные полосы делают общие контуры прерывистыми, а животное – малозаметным. Но больше всего полосатая окраска помогает зебрам во время бега. Тогда мелькающие черно-белые полосы выглядят как серые, и животные благополучно «сливаются» с горизонтом.

Другой вариант реализуется, когда у зверя, птицы или насекомого есть чем себя защитить, например, ядовитыми или пахучими средствами. Такое животное будет окрашено в яркие, контрастные, предупреждающие цвета, оно как будто говорит окружающим «Не тревожь меня попусту, я несъедобный или даже опасный». Соответственно, эту разновидность окраски тела называют предостерегающей. Ею всюю пользуются скунсы, божьи коровки, осы, пчелы и шмели.

Наконец, есть виды животных, не имеющие средств защиты, но активно подражающие хищникам. Они используют угрожающую окраску, обычно заметную лишь при принятии каких-то особых поз.

Ну а кто не слышал о мимикрии – подражательном сходстве животных с растениями и другими животными в природной обстановке? В процессе эволюции некоторые виды приобрели способность выглядеть, к примеру, сучком, только бы не съел прожорливый хищник.

Да и сами хищники пользуются маскировкой и камуфляжем, чтобы подкрасться поближе к жертве. Тут, конечно, первыми на ум приходят невидимые в засаде среди листвы пятнистые леопарды или сливающиеся с саванной львы.

В процессе естественного отбора биологические виды приобрели совершенную окраску, идеально соответствующую конкретным условиям окружающей среды. Но, если по каким-то причинам условия меняются, быстро измениться животные не могут. Леопард не может повесить свою прекрасную шкуру на гвоздик и отправиться гулять в костюме

кролика. А вот человек при помощи грима и одежды способен менять свой облик сколько угодно. В разных ситуациях одни и те же люди приобретают и покровительственную окраску (например, «дизруптивный» камуфляж), и предостерегающую (скажем, боевая раскраска индейцев или кельтов, демонстративно яркие, праздничные одежды элиты). Наши возможности перевоплощаться на время очень велики, и они всю реализуются во время обрядов перехода, в карнавальной культуре, в театре. (Рис. 1.7)

Рис. 1.7. Иногда человек тоже примеряет леопардовую шкуру... Исполнитель ритуального танца, Кения (по Groning, 2002, p.13).

Но татуировка и прочие неизгладимые знаки – это нечто совсем другое. Это как шкура у леопарда, которую нельзя повесить на гвоздик, причем одетая навсегда и, как правило, добровольно. Татуировки, как и оттенок кожи, не смываются.

Цвет тела у позвоночных животных обеспечивают хроматофоры – пигментные клетки, содержащие в цитоплазме окрашенные вещества. Среди них есть меланоциты и меланофоры, несущие в себе меланин (он может быть от желтого до черного). Есть ксантофоры, содержащие каротиноиды, флавины и птеридины (оттенки от желтого до красного цвета). (Кстати, любители салатов из сырой морковки при неограниченном их потреблении рискуют приобрести необычный оранжевый цвет, что однажды случилось с автором этой книги.) Есть в природе и пигментные клетки иридоциты или гуанофоры, обуславливающие блестящую серебристую или золотистую окраску.

Некоторые обезьяны Старого Света (нашей предковой зоны) демонстрируют яркую окраску лица. У высших приматов сильно развита мимика, что служит целям общения. У человека, по сравнению с ближайшими родственниками в животном мире, мимика несколько ослаблена из-за относительного недоразвития лицевых мышц. Тут возникает искушение сказать, что искусственная раскраска лица человеком может компенсировать этот недостаток и сделать внешность более выразительной, ведь общаться нам хочется не меньше, чем прочим приматам. Впрочем, здесь у человека большое преимущество: он единственный обладатель членораздельной речи.

Что же касается природной окраски тела, то, как мы знаем, она сильно отличается у представителей так называемых «больших рас» – негроидов, европеоидов, монголоидов. Существует значительная изменчивость в пигментации кожных покровов и внутри более мелких таксономических образований. Но, что можно сказать вполне определенно, невзи-

рая на оттенок нашей кожи, ее окраска распределяется достаточно равномерно. С этой-то однородностью и «борется» татуировка в своем классическом варианте.

Только ли человек способен менять свой внешний вид?

Конечно, нет. Многие животные обладают способностью радикальным образом менять структуру своего тела. К примеру, в период размножения самцы оленей отращивают рога, самцы лососей «искривляют» челюсти, птицы приобретают яркую окраску. Но это делается не по воле разума, а под действием естественного отбора. Так может быть то, что способен сотворить со своим телом человек, тоже не подвержено влиянию разума, а подчиняется инстинкту? Ниже мы постараемся найти ответ на этот вопрос. И все-таки заранее предположим, что именно человек, единственный из представителей животного мира, способен осознанно и добровольно манипулировать собственным телом. Зачем ему это надо, уже другой вопрос.

Впрочем, исходя из теоретических предпосылок, мы можем составить некий перечень объяснений:

- чтобы достичь привлекательности в глазах представителей другого пола;
- чтобы защитить себя, придав себе угрожающий вид (интерпретация: человек как хищник);
- чтобы защитить себя, слившись с окружающей средой (интерпретация: человек как жертва);
- для общения с представителями своего и других сообществ.

По сравнению с другими животными человек по своей природе существо слабое, не вооруженное острыми когтями и зубами и вместе с тем достаточно агрессивное, причем агрессия эта часто обращена против представителей собственного вида. Когда было изобретено оружие, позволившее защитить себя и эффективно охотиться, люди из разряда жертв перешли в категорию хищников. Но ведь мы не рождаемся с оружием в руках, и наша природа остается двойственной. Поэтому, если исходить из общебиологических позиций, искусственная раскраска и, тем более, татуировка может быть аналогична природной мимикрии, то есть имитации облика хищного зверя. Подобные действия, по сути, представляют собой демонстрацию образа смерти, агрессии. В терминах социальной антропологии неизгладимые знаки татуировок неслучайно могут обозначать «путешествие в область смерти».

Мы – приматы, поэтому в нашем мире сильна патриархальная структура общественных связей. Матриархат как стадия социального развития, на существовании которой так настаивали классики марксистской философии, по-видимому, оказался вымышленным образованием. Наш мир – это мужской мир. А в мире суровых мужчин больше ценятся особи, испытанные в боях, покрытые шрамами сражений. Это традиционный показатель их агрессивности, успешности, иерархического положения. Искусственные шрамы и прочие неизгладимые знаки на теле тоже способны повысить социальный ранг их обладателя.

Конечно, в человеческом мире все гораздо сложнее, чем в мире обезьян. Татуировка говорит окружающим о принадлежности какому-то сообществу. Мы уже поняли, что шрам или наколка могут быть престижны, отражая высокий социальный статус своего владельца. Но они же могут свидетельствовать о наказании и унижении индивидуума. Характерный пример – татуировки, указывающие на приверженность определенной религии. В некоторых исповеданиях, включающих и христианство, божество воспринимается как господин (это очень отчетливо видно в английских обращениях «Lord», «Master», в русском «Господь», в аккадском «Бел»). Последователи такой религии осознают себя как рабы бога, и знаки на теле нужны как символ высшего подчинения.

Как подчеркивал Ю. М. Лотман (2001, с. 372), в основе универсального религиозного акта лежит не обмен, а безоговорочное *вручение себя* во власть. Отношения этого типа имеют

характер безусловного дара. Добавлю от себя, безусловный дар – дар необратимый, все тот же «неизгладимый знак».

Глава 2. Источники исследования: археология, письменность, изобразительное искусство

Немного о мумиях. Древнейшая мумия в альпийских горах. Тайны пустыни Такламакан. Феномен в горах Алтая. Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий. Психология звериного стиля. Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков. Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история шрама. Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов. Свидетельства средневековых летописцев. «Татуировки» в изобразительном искусстве. Орнаменты трипольских статуэток. Остров Пасхи: маленькие тайны огромных статуй.

В этой главе мы поговорим о древних татуировках. Это словосочетание звучит необычно. Узоры наносятся на кожу – материал не слишком прочный и долговечный. На первый взгляд, о какой древности вообще может идти речь?

Конечно, большинство татуировок навсегда исчезли с лица Земли вместе с их владельцами. И все-таки ситуация для тех, кто хочет узнать о традициях прошлого, небезнадежная.

Во-первых, не будем забывать о мумиях – высушенных под влиянием природных факторов или специально забальзамированных телах наших далеких предшественников. Несмотря на то, что древних мумий в разных частях света найдено не так уж много, они очень сильно расширили представления ученых о распространении традиций татуирования.

А еще представим, что некоторые татуировки наносились очень глубоко, например, выжигались. Тогда они могли задеть даже кости.

Это вполне возможно в тех местах человеческого тела, где мышечный слой тонок или почти совсем отсутствует (например, на голове). Скелет сохраняется в почве гораздо лучше, чем мягкие ткани. Значит, есть шансы обнаружить следы радикального шрамирования при палеоантропологическом обследовании. И такие свидетельства действительно были обнаружены при археологических раскопках погребений.

Другой, наиболее многочисленный, источник информации о древних традициях татуировки – письменность. Некоторые авторы прошлого обращали внимание на обычаи своих современников из других племен. Конечно, этот источник информации более поздний, зато, в прямом смысле слова, красноречивый.

И, наконец, дошедшие до нас из глубины веков предметы изобразительного искусства тоже могут многое сказать о распространенности татуировок.

Немного о мумиях. Древнейшая мумия в альпийских горах

Осенью 1991 года в высокогорных Альпах, на границе Австрии и Италии стояла необычно теплая погода. Снег, на который сильно рассчитывали облюбовавшие эти края альпинисты, неожиданно превратился в слякоть. Кто же мог подумать, что тирольская земля таким образом готовится раскрыть одну из своих тайн. 19 сентября в толще тающего ледника на высоте свыше 3-х тысяч метров над уровнем моря два альпиниста сделали весьма необычную находку, о чем незамедлительно поставили в известность местные власти.

Спустя четыре дня в горах высадилась группа судебных медиков. Они предполагали, что им предстоит идентифицировать останки еще одного погибшего под снежной лавиной любителя горнолыжного спорта. На встречу с «посланцем из прошлого» никто не рассчитывал. Глубоко врезаясь в толщу льда, прочно сковавшего найденное тело, криминалисты не сразу поняли, что странные куски кожи были когда-то одеждой покойного, а непонятные заостренные предметы – наконечники оружия, с которым когда-то охотился этот человек.

Разобравшись, медэксперты доставили замерзшее тело мужчины в лабораторию Инсбрукского университета. Забегая вперед, отметим: исследования сразу в четырех авторитетных научных центрах позволили установить, что он скончался примерно 5300 лет назад.

Все говорит о том, что несчастный житель Южного Тироля эпохи бронзы погиб в горах во время непогоды. Он так и остался лежать непогребенным в соответствии с принятыми тогда традициями, неоплаканным своими соплеменниками. Никто даже не подозревал о существовании этого индивидуума больше 5 тысячелетий, пока слепой случай не привел на место его последнего сна австрийских лыжников.

Нужно сказать, что специалистам по бронзовому веку чрезвычайно повезло. Впервые они получили в свои руки информацию о мумии европейца такой древности. Причем информацию для археологов уникальную. Удалось даже выяснить, что покойник ел на свой последний ужин (мясо и зерно). Ученым удалось воссоздать время года, когда случилось несчастье. Так, незадолго до гибели этот человек прошел мимо поля дикорастущей пшеницы, и спелые зерна пристали к краю его одежды... Рядом с телом обнаружена замороженная терновая ягода – значит, дело было осенью.

Итак, погибший в горах мужчина, получивший имя Отци и псевдоним «Ледяной Человек», был в самом расцвете (25–40 лет). По какой-то необходимости, прихватив нужные ему орудия труда, он покинул свое селение и отправился в горы, заснул и не проснулся, а тело его сковала мерзлота.

На коже мумии сохранились следы татуировки. Доктор Франк Бар, президент Германской Академии Акупунктуры, обратил внимание на локализацию этих татуировок и предположил, что уже в эпоху энеолита и ранней бронзы местное население располагало познаниями о биологически активных точках и применяло татуировку для предупреждения и лечения некоторых заболеваний. Современная практика акупунктуры основывается на представлении о том, что перфорация или раздражение кожи в определенных местах оказывает влияние на деятельность некоторых внутренних органов. Татуировки Отци покрывают спину и конечности, при этом девять из пятнадцати хорошо сохранившихся скоплений наколов совпадают с акупунктурными точками. Пять из них могли оказывать воздействие на мочеполовую систему.

А как обстояло дело с состоянием здоровья у Отци? На этот вопрос сумели ответить палеоантропологи. Зубы его уже были сильно стерты. На рентгенограммах видны следы износа посткраниального скелета под воздействием тяжелых физических нагрузок. Суставы костей конечностей у Отци подверглись изменениям, он страдал артритом. Этот человек не

избежал травм (сломанные ребра) и обморожений. Ученые обнаружили доказательства того, что задолго до смерти Отци отморозил левую стопу (аналогичные изменения скелета встречаются и у современных высокогорных альпинистов). Но больше всего ученых поразили легкие человека бронзового века: они были абсолютно черные! Вот к каким последствиям привели долгие часы, проведенные у дымящихся очагов. В волосах Отци обнаружили высокую концентрацию меди. Поэтому весьма вероятно, что он часто присутствовал при обработке этого металла: либо сам занимался литейным делом, либо помогал кузнецу.

Кроме того, исследование мумии Отци с помощью компьютерной томографии установило, что он страдал от болей в спине из-за патологических изменений в поясничном отделе позвоночника. Специфическая татуировка могла преследовать целью лечение этого болезненного состояния. В общей сложности на теле Ледяного Человека обнаружены 58 татуировок. Большинство из них очень незамысловаты – в форме точек и коротких линий, наиболее сложная – в виде креста.

Тайны пустыни Такла-Макан

Раскопки археологических экспедиций в Синьцзянском районе проходили в непростых погодных условиях. Не один торговый караван когда-то сгинул в песках суровой пустыни Такла-Макан, отклонившись от маршрутов Великого шелкового пути. А ведь в первом тысячелетии до н. э. местный климат был иным. В оазисах складывалась своеобразная и богатая традициями цивилизация. Но изменилось русло реки, и жизнь отступила из этих мест, казалось бы, навсегда похоронив прошлое под толщей безмолвных песков.

В 70-е годы XX века в пустыню пришли китайские и уйгурские ученые, поставившие своей целью поиск осколков древнего мира в этом гиблом месте. Позже к ним присоединились французские и американские коллеги.

И упорство археологов было вознаграждено. Им удалось обнаружить и раскопать поселения и погребения, оставленные около 2,5 тысяч лет назад и даже раньше.

В синьцзянских могилах были найдены мумии. Судя по всему, бальзамирование здесь не практиковалось, и консервация мягких тканей умерших произошла благодаря удачному стечению обстоятельств – прежде всего, сухому климату и тому же песку. В такла-маканских погребениях прекрасным образом сохранилась многоцветная одежда покойных, включая кожаную обувь, головные уборы и перчатки. Стало ясно, как эти люди одевались и как они выглядели. Сенсацией стали уже первые фотографии с раскопок, на которых были видны европеоидные лица усопших, причем с признаками, характерными для северных вариантов этой расы. Одну из таких погребенных даже называли «богемской горожанкой» – настолько не соответствовали ее одежда и внешний облик местным реалиям Таримской впадины. Но эти находки не удивили антропологов, давно говоривших о проникновении европеоидного населения в глубины Центральной Азии, начавшемся с глубокой древности. Рассуждая о европеоидах в центре Азии, ученые обычно вспоминают полумифических динлинов – высокорослый, голубоглазый и рыжеволосый народ из старых китайских хроник. А профессор Пеннсильванского университета Виктор Мэйр, участвовавший в раскопках, убежден, что поздние такла-маканцы вошли в китайские летописи под именем юэджей (Maïr, 1995). Образцы митохондриальной ДНК, взятые от синьцзянских мумий, были изучены знаменитым генетиком Луиджи Ковалли-Сфорца и его коллегой Паоло Франкалацци. По предварительным результатам, древние жители Такла-Макана оказались ближе всего населению северо-запада Европы.

Другая сенсация поджидала специалистов после проведения радиоуглеродного датирования. Возраст мумий очень сильно различался: самая ранняя была погребена около четырех тысяч лет назад, самые поздние – за 200 лет до н. э.

В инфракрасном излучении стали заметны стертые следы татуировок на поверхности кожи. Они покрывали лица, руки, пальцы, спину. Возможно, эти рисунки отражали социальный статус и даже половую принадлежность древних жителей Такла-Макана. Например, на скулах пожилой женщины можно видеть красные полосы и остатки геометрического орнамента в виде уголков. У мужчины на щеки были нанесены желтоватые, «солнечные» завитки – «полуспирали» (этому погребению около 3-х тысяч лет). Раскопавший могилу мужчины уйгурский археолог Долкун Кимбери видит связь между соляным знаком на виске мумии и индоевропейским культом бога Митры. (Рис. 2.1)

Рис. 2.1. «Солярный» знак татуировки на лице мужской мумии из пустыни Такла-Макан.

Любопытно, что похожий орнамент был распространен в конце раннего железного века у жителей Минусинской котловины – носителей таштыкской культуры. Таштыкцы, бывшие, по мнению ученых, выходцами с более южных территорий, наносили спиралевидный орнамент на погребальные маски, закрывавшие лицо покойного.

Феномен в горах Алтая

Исследования отечественных археологов в Горном Алтае не случайно находятся в фокусе пристального внимания специалистов и просто любителей древности со всего мира.

Когда минуло уже два тысячелетия с того момента, как будущий Ледяной Человек Отци навсегда заснул в альпийских горах, а цивилизация в глубине пустыни Такла-Макан еще процветала, не отступив перед песками, в горах Алтая жили племена кочевников-скотоводов.

Мумии представителей местной пазырыкской культуры, населявших степные долины на границе современных Казахстана, Монголии и Китая в V–III вв. до н. э., стали главным доказательством практики татуирования не только в скифскую эпоху, но и вообще в древности. До раскопок на Алтае представить себе подобное было просто невозможно.

Первой находкой с богато представленной татуировкой стала мумия вождя, обнаруженная экспедицией С. И. Руденко во втором Пазырыкском кургане в 1948 году и хранящаяся с тех пор в Государственном Эрмитаже. (Рис. 2.2а, б, в, г)

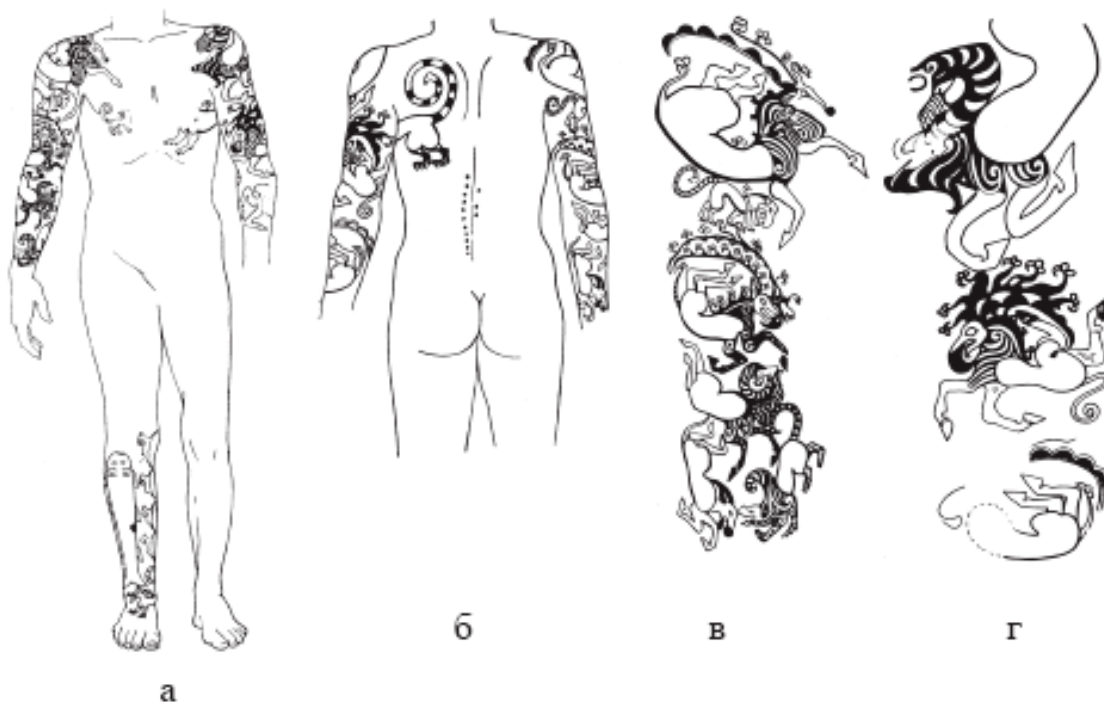

Рис. 2.2. Татуировка на теле мужчины «вождя» из второго Пазырыкского кургана (по Руденко, 1953, с.137–139), а – вид спереди, б – татуировка на спине, в – на правой руке, г – на левой руке.

Топография наколки подробнейшим образом была описана автором раскопок.

На груди татуировка плохо сохранилась, но над сердцем различима голова львиного грифона. На правое плечо нанесено изображение оленя.

По правой руке сверху вниз идут изображения клыкастого хищника, оленя с орлиным клювом, горного барана, фантастического крылатого зверя с кошачьим хвостом, на том же уровне – кулана или осла. На левой руке изображены два оленя и горный баран.

На наружной стороне правой голени, от коленной чашечки до щиколотки, изображена рыба. В верхней части стопы – фантастический клыкастый зверь с кошачьим хвостом. Там же, в области рта зверя – округлые шарики. Такие же кружки нанесены вдоль позвоночника.

С внутренней стороны голени – сверху рогатый и крылатый зверь с длинным хвостом, ниже – четыре мчащихся горных барана или козла.

Публикация С. И. Руденко обрела всемирную известность, но пятьдесят лет назад трудно было ожидать, что в этом же регионе, в Горном Алтае будут сделаны открытия, не уступающие по своему значению самым первым раскопкам. Исследования Н. В. Полосьмак и В. И. Молодина стали одним из крупнейших археологических событий XX века.

Экспедиция Новосибирского Института археологии и этнографии выбрала для своих раскопок самую южную точку российского Алтая. Плато Укок на высоте 2,5 тысяч метров граничит сегодня с иностранными государствами: Казахстаном, Монголией, Китаем. Но этих границ не было в древности, и в скифскую эпоху кочевые племена свободно преодолевали большие расстояния в поисках новых пастбищ. По мнению археологов, пазырыкцы проводили на плато самую суровую пору – зиму и весну. Летом они отгоняли свои стада. Но перед тем как уйти до зимы, алтайские скифы совершали захоронения тех соплеменников, кто не дожил до лета. Именно большое число погребальных курганов на поверхности плато говорит о том, что в эпоху раннего железа люди чувствовали себя здесь как дома.

Что же привлекало кочевников в эти очень суровые места? Как считает Н. В. Полосьмак, пазырыкцы сумели освоить все богатства Алтая, необходимые для жизни скотовода. Им были знакомы местные месторождения золота, железной руды, киновари, меди, олова. Ученые давно допускают, что именно с носителями пазырыкской культуры и их предками связана легенда античного мира о «стерегущих золото грифах». Изобилие алтайской природы позволяло не просто выживать, но и вести активную торговлю, в результате чего в быт горцев проникали экзотические шелка, раковины каури, стекло и бисер. Скифские племена Алтая умели изготавливать тончайшую золотую фольгу, которой покрывали искусно вырезанные деревянные украшения. Они не делали массивных литых изделий из золота, как их западные собратья, но мерцание пазырыкских вещей, окружавшее их повсюду, символизировало идею верховной власти и бессмертия. Нужно признать, что пазырыкцы не только снабдили своих покойных металлом, символизировавшим вечность, но и сумели добиться, чтобы их тела остались нетленными.

Укок – одна из самых высокогорных равнин Алтая. Вокруг простираются громадные ледники. Мерзлота не отступает и в «теплое» время года. Льдом сковывает края горных рек, текущих на равнине, неожиданно идет снег. По словам Н. В. Полосьмак, пазырыкцы были хорошо знакомы со свойствами вечной мерзлоты, они сознательно использовали эти свойства для сохранения тел умерших в нетленном виде. Если вырыть в местном грунте яму, она быстро заполняется проникающими подпочвенными водами, которые вскоре превращаются в ледяную линзу.

В такой «оправе» из льда летом 1993 года нашли тело молодой женщины, руки которой, включая некоторые фаланги пальцев, были сплошь покрыты татуировкой. Останки погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха принадлежали девушке очень высокого социального статуса. (Рис. 2.3а)

Рис. 2.3а. Татуировка на теле женщины пазырыкской культуры, погребенной в кургане I могильника Ак-Алаха-3 (по Полосьмак, 2001, с. 229).

На левом ее плече – копытное с клювом грифона, со стилизованными рогами козерога и оленя, увенчанными головками грифонов. Такая же головка видна на спине животного, изображенного с перекрученным туловищем. Ниже, в аналогичной позе – баран с запрокинутой вверх головой. Позади барана – длинный барс с закрученным хвостом. Под ними – фантастический зверь, с лапами хищника, туловищем оленя, хвостом тигра и тоже вырастающей из спины головки грифона. Часть татуировки плохо сохранилась, но на запястье левой руки видна головка оленя с ветвистыми рогами. На второй фаланге большого пальца – копытное животное с перекрученным туловищем. Мелкие знаки виднелись на среднем и безымянном пальцах левой руки.

В 1995 году экспедиция под руководством В. И. Молодина при раскопках кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 обнаружила замерзшее тело третьего татуированного пазырыкца. Им оказался молодой мужчина, и через его левое плечо навсегда «свесилось» фантастическое копытное животное (с туловищем оленя, клювом грифона, головками грифа на рогах и спине). (Рис. 2.3б)

Рис. 2.36. Татуировка на теле мужчины пазырыкской культуры, погребенного в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И. Молодина, по Полосьмак, 2001, с. 229).

Н. В. Полосьмак посвятила пазырыкским татуировкам очень глубокое исследование. Она прежде всего отметила идентичность стиля и способа нанесения всех татуировок, единство образной системы. Кроме того, есть определенное сходство в локализации одних и тех же рисунков – верхнюю часть плеча и у мужчины, и у женщины занимали изображения фантастических копытных; они чередуются с изображениями баранов и хищников из семейства кошачьих. При известном разнообразии татуировки у всех трех мумий их объединяет повторяемость элементов рисунка. Н. В. Полосьмак видит объяснение консерватизма традиции в том, что на человеческое тело наносили не просто орнамент, а знаковую систему, «текст». Пазырыкская культура относилась к бесписьменным цивилизациям, поэтому она была ориентирована не на умножение текстов, а на их повторное воспроизводство. По Ю. М. Лотману, в таких случаях роль письменности выполняют мнемонические символы. По-видимому, к этой категории относится пазырыкская татуировка. По словам Н. В. Полосьмак, рисунки на телах – это образный язык пазырыкской культуры, ее письмо, тщательно сохраняемый язык предков. Соответственно, местная татуировка – сакральное письмо, передающее важную информацию мифологического характера. Неслучайно образы татуировки соответствуют изображениям с одежды, утвари и оружия. Так происходило переоформление естественного человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости.

Еще в 1961 году ленинградский археолог М. П. Грязнов, выдающийся исследователь древностей Южной Сибири, высказал предположение, что татуировка «вождя» из Второго Пазырыкского кургана предназначалась для демонстрации, например, обнажалась в момент публичных состязаний, во время борьбы. Причем не только для борьбы с другим богатырем, но для ритуального единоборства с чудовищем, для «шаманской схватки». Развивая эту мысль, Н. В. Полосьмак пишет: не для того наносилась татуировка, чтобы скрывать ее под одеждой. При важных событиях воины сбрасывали с плеч распашную шубу, державшуюся

на одном поясе, и обнажали торс, женщины вскидывали разрисованные руки. Эта картина могла символизировать наивысшее единение племени алтайских скифов.

К сожалению, такого единения не наблюдается у многих жителей нашей страны, особенно по отношению к научным исследованиям. Раскопки, вызвавшие колоссальный интерес общественности, привели к парадоксальному и очень печальному результату. Некоторые представители современного алтайского населения, проникнувшись невероятной значимостью свершившихся открытий, объявили себя прямыми потомками «прародительницы алтайской нации» и обрушились на археологов, нарушивших ее «сон во льдах». В конце концов, парламент республики Горный Алтай запретил новосибирским археологам продолжать исследования на плато Укок. Это произошло в 1996 году, и разум до сих пор не возобладал. Удивительнее всего то, что этнические группы, населяющие сегодня Алтай (алтай-кижи, теленгиты, шорцы, кумандинцы, тубалары), – это потомки племен, мигрировавших с юга в I тыс. н. э. А пазырыкцы жили на плато Укок на тысячу лет раньше, в середине I тыс. до н. э. Кроме того, пазырыкцы были ярко выраженными европеоидами, с незначительной примесью местного палеосибирского субстрата. А нынешнее население Алтае-Саянского нагорья в большинстве принадлежит к центрально-азиатскому варианту большой монголоидной расы. Но, когда говорят эмоции, подобные аргументы слишком сложны и доступны только специалистам. По-видимому, поиск исторических корней и попытки самоидентификации способны заглушить и не такие доводы.

Казалось бы, на этом история алтайских татуировок пока закончилась. Тем более, после абсурдного запрета на проведение раскопок надеяться на поступление новых материалов с Алтая не приходилось.

И все же новое открытие состоялось. В начале 2005 года на суд научной общественности был представлен доклад сотрудников Государственного Эрмитажа Л. Л. Барковой и С. В. Панковой о новых татуировках, обнаруженных при детальном исследовании мумий, долгие годы хранящихся в отделе археологии Восточной Европы и Сибири.

Три мумии (две женские и одна мужская) происходят из тех самых раскопок С. И. Руденко пятидесятилетней давности. Еще одна мужская мумия была найдена в 1969 г. в Хакасии экспедицией под руководством московского археолога Л. Р. Кызласова. Именно при обследовании хакасской мумии из могильника Оглахты реставраторы заметили неотчетливые следы орнамента на коже. Освобожденную от одежды мумию подвергли инфракрасному облучению, и на поверхности кожи проступили ранее незаметные «письмена». Оглахтинский мужчина принадлежал таштыкской археологической культуре, распространенной в Минусинской котловине около двух тысяч лет назад. Его тело оказалось покрыто симметричными узорами на плечах, груди, руках, на спине и сзади на шее. Как сообщают исследователи, татуировка, в основном, имеет вид небольших запятых и розеток (локализация: руки и грудь). С внутренней стороны локтя изображение более предметно, и там вытатуированы лук со стрелой. На плечах и спине имеются крупные фигуры с отростками-щупальцами.

Как можно заключить из предварительного сообщения, некоторые элементы таштыкской татуировки повторяют орнаментальные мотивы, ранее известные для других проявлений изобразительной деятельности этого населения раннего железного века. Специалистам давно знакомы богатые традиции наскальной живописи у древних обитателей Минусинской котловины. Другое направление многообразно проявилось в рамках таштыкского погребального обряда, включавшего сложное обращение с телом умершего, в ряде случаев, по-видимому, приемы мумификации и, главное – создание посмертных масок. Изготовленные из глины и покрытые снаружи тонким слоем гипса маски достаточно условно передавали облик покойных. В то же время, вероятно, огромное значение придавалось орнаментации погребальных масок, которые раскрашивались сложными узорами. Спиралевидный орнамент на лбу и щеках масок, возможно, связан с древним солнечным культом. Не исключено, что

узоры на погребальных масках лишь имитировали принятую у таштыкцев традицию наносить роспись или татуировку на лицо. Собственно говоря, именно такой обычай был обнаружен исследователями синьцзянских мумий. (Рис. 2.4)

Рис. 2.4. Раскрашенная погребальная маска таштыкской археологической культуры. Могильник Уйбатский Чаатас (по С. В. Киселеву).

Успех при обследовании мумии из Южной Сибири побудил ученых из Эрмитажа сфотографировать в отраженных инфракрасных лучах оставшиеся пазырыкские останки. Результаты превзошли все ожидания. Все мумии оказались покрыты татуировками, ранее совершенно незаметными на потемневшей коже. Рисунки выполнены в традиционной пазырыкской манере. Они представляют и отдельных животных, и сцены терзания хищниками копытных. Среди хищников – тигры и барсы, среди копытных – лошади, архары, косули. Есть изображения птиц и фантастических существ (копытных с птичьей головой, хищников с крыльями). У всех были татуировки на плечах, руках, больших пальцах рук. У мужчины, помимо этого, татуированы спина и голень. То есть теперь можно уверенно говорить о том, что татуировка – обязательный атрибут взрослого пазырыкца, делавшая его полноправным членом общества, хранителем мифического наследия предков.

Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий

По мнению С. И. Руденко (1953, с. 140), татуировка выполнялась либо прошиванием кожи, либо нанесением уколов с введением под кожу красящего вещества (сажи). Она производилась задолго до смерти, скорее всего, в молодости. До сих пор неясно, намечали предварительно рисунок или нет. Основываясь на многочисленных этнографических источниках, описывающих обычаи обских угров, тувинцев и алтайцев, исследователи предположили: красящим веществом могла быть сажа. Сажа от котла символизирует для кочевника домашний очаг, дом, род.

Для проверки этой гипотезы образцы тканей женской мумии из могильника Ак-Алаха-3 были изучены в лабораториях Института катализа и Института неорганической химии СО РАН методом спектрального микрозондового анализа. На коже проявились точечные зоны с поперечником около 20 мкм с высоким содержанием калия. Точки – места, которых касалась игла кольщика. А скопления калия свидетельствуют о растительном происхождении красителя. В нее могли входить обуглившиеся остатки растений, то есть действительно сажа.

Другие исследования мумий, непосредственно не связанные с изучением татуировки, уточнили данные об образе жизни алтайских скифов.

Так, судя по изотопному анализу образцов костей и волос, пазырыкцы охотно ели рыбу (Феномен алтайских мумий, 2000, с. 236). Казалось бы, этот вывод достаточно тривиален, ведь алтайские реки и озера изобилуют живностью. Все дело в том, что среди некоторых современных народов юга Сибири и Центральной Азии употребление в пищу рыбы было табуировано (например, в некоторых группах хакасов или у монголов).

Пазырыкцы, как и все кочевники евразийских степей, в основном питались мясом и молочными продуктами, но нельзя отрицать, что рыба играла в их жизни большую роль.

Рыба как сюжет татуировки или войлочных украшений седел, найденных в кургане могильника Ак-Алаха-1, вполне возможно, отражает не только гастрономические интересы пазырыкской элиты.

Если говорить о татуировке на голени мужчины из Второго Пазырыкского кургана, нельзя не отметить возможный сакральный смысл этого изображения.

Стилизованные изображения теплокровных копытных животных неслучайно присутствуют в верхней части тела, украшая руки и туловище. Изображение холоднокровного существа (рыбы) украшает нижнюю конечность. На наш взгляд, это вполне может отражать противопоставление двух разных стихий (воздушной и водной), и, в конечном счете, двух миров – мира живых и потустороннего. К такой трактовке нас подталкивает и неоднократно высказывавшееся разными учеными представление о связи изображений нижней конечности (стопы) с хтоническими, часто змеевидными, божествами из «преисподней» (Дэвлет, 2004а). Кстати, подобное восприятие рыбы и лежит в основе поздних пищевых запретов.

Психология звериного стиля

Звериный стиль – характернейшая особенность скифской эпохи на обширных пространствах Евразии. Как видно, он воплотился не только в выразительных предметах декоративно-прикладного искусства раннего железного века, но и такой форме изобразительной деятельности, как татуировка.

Любопытно, как некоторые современные психологи (например, П. Веденин) пытаются объяснить подобные изобразительные сюжеты сегодня. Рисунок хищника с оскаленными клыками может принадлежать кисти человека, склонного к насилию. Эти изображения увязываются с аффектами – состояниями дикой неуправляемой ярости. По мнению Веденина, так проявляет себя архетип звериного начала, бывший сутью пред-человека и помогавший ему выжить в схватке с враждебным миром.

С точки зрения психоанализа, широкое распространение хищников и сцен терзания копытных животных в изобразительном искусстве скифской и сарматской культур свидетельствует об особенностях психологического состояния тогдашнего общества. По данным археологии и благодаря письменным свидетельствам древних авторов установлено, что у скифов, сармат и многих других современных им народов в основе общественного устройства была так называемая «военная демократия». Социальное положение воина было сопряжено с особым престижем, и, соответственно, общий уровень агрессивности также, по-видимому, был весьма высок. По крайней мере, сведения антропологии о частом военном травматизме среди сарматского населения подтверждают эту гипотезу.

Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков

Разговор о татуировках у представителей общества военной демократии и о зверином стиле неизбежно подталкивает нас к рассмотрению другого значимого явления, распространившегося в мире, где статус воина был чрезвычайно высок. Речь идет о гербах и геральдике средневековой Европы.

В соответствии с принятым повсеместно определением, герб – это эмблема, наследственный отличительный знак, сочетание цветов, предметов и фигур на котором имеет символическое значение. Построение герба подчинялось строго определенным правилам. Владельцами гербов были как отдельные люди, так и целые сообщества.

Некоторые современные специалисты в области геральдики, говоря о происхождении европейских гербов, склонны к самым прагматическим объяснениям. Например, французский историк Мишель Пастуро (2003) считает, что гербы возникли в средневековье из-за необходимости различать воинов, одетых в одинаковые доспехи, во время битвы. Он не видит предшественников гербов ни среди символов античности, ни в германских рунах, ни на Востоке. Во времена первого крестового похода гербов еще не было, но ко второму они уже украшали щиты европейского воинства. Защитное вооружение (кольчуга и шлем, скрывавшие фигуру и лицо рыцаря) пробудило желание быть узнаваемым. Якобы именно поэтому возникла потребность расписывать щиты яркими и узнаваемыми картинками.

Дополнительным «средством опознавания» стал так называемый гребень, прикреплявшийся к верхней части шлема. Описывая эти наверхия, которыми могли быть рога, перья или еще более экзотические украшения, многие авторы используют аналогии с масками и даже тотемами. Гребнями украшали шлемы еще воины античной эпохи.³ Этот декоративный элемент служил устрашению противника. У средневекового рыцарства плюмажи и гребни носили более парадный характер. С течением времени гребень мог стать дополнением герба, передаваясь по наследству. Подобная практика стала особенно характерной для польского и венгерского дворянства, в среде которого представители одного рода носили одинаковые фамильные гребни, иногда дававшие имя всему клану (Пастуро, 2003, с. 69).

Как бы там ни было, герб в средневековье стал важнейшим общественным кодом, расшифровывая который можно было узнать о происхождении человека, семейных (в том числе брачных) связях, об истории приобретения титулов и земельных владений. Конечно, только один наследник, старший в первой по старшинству ветви, владел «полным» фамильным гербом. Младшие сыновья обязаны были вносить в герб небольшие изменения, так называемые бритуры. Женщины наследовали отцовский герб, а выходя замуж объединяли его с гербом супруга.

Возникнув на поле боя, гербы очень скоро стали востребованными всеми сословиями. По-видимому, потребность в символике, простой, наглядной и очевидной современникам, отвечала потребностям представителя той эпохи, нуждавшегося в самоидентификации и подтверждении своей принадлежности гильдии купцов, цеху ремесленников или, тем более, древнему дворянскому роду. Нарисованные символы стали выполнять очень важные информационные функции. Они служили средством общения, консолидации и размежевания. Любопытно, что графические символы стали необходимы и получили распространение

³ Можно вспомнить и перья в головном уборе американских индейцев. По мнению французского специалиста в теории знаков Люка Бенуаса (2004), они служат символом высшей духовной власти великих вождей. Он проводит аналогию между этим украшением и крыльями, прикрепленными к ногам посланника богов Гермеса, воплощающими идею освобождения от силы тяжести, способность к полету и связь с небесным миром.

в «варварских» частях бывшей римской империи, где объединяющую роль играл раньше латинский язык. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что геральдические символы в эпоху средневековья стали надэтническим языком общения.

За короткий промежуток времени геральдическая лихорадка охватила Европу, и существование свободного человека без герба стало просто невыносимым. Мало того, на средневековых гравюрах можно видеть дьявола, держащего в руках щит с персональным гербом! Обычно это изображения трех зеленых жаб или простой щит с изломанными линиями (Пастуро, 2003, с. 85). В баварском манускрипте позднего средневековья придуман герб для Бога: вилообразный крест, символизирующий троицу, а на гребне голубь, в напоминание о Святом Духе (Пастуро, 2003, с. 86). Альбрехт Дюрер даже разработал герб для Смерти (Пастуро, 2003, с. 30). На этом фоне уже не выглядит удивительным наделение гербами персонажей античной литературы, например, действующих лиц «Энеиды» Вергилия.

Древние гербы имели простые очертания, представляя собой, как правило, одноцветную фигуру на поле иного цвета. Номинально использовали всего шесть цветов, хотя за счет разных оттенков палитра гербов была достаточно разнообразной. Избранные шесть цветов называли особыми словами, что, безусловно, подчеркивает их далекую от обыденной декоративности природу. Так, под «золотом» подразумевался желтый; «серебром» называли белый, «червленью» или «киноварью» – красный, «чернью» – черный, «зеленью» – зеленый. Совсем редко при построении гербов использовался седьмой цвет – пурпур или багрянец (на деле фиолетовый), но его не считают полноправным геральдическим цветом. Как подчеркивают специалисты, цвета геральдики выступали как некая обобщенная категория, духовная, а не материальная.

Любопытно, что геральдические цвета не совпадают полностью с цветами спектра. (Вспомним знаменитую фразу «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», помогающую воскресить в памяти красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый цвета.) Иерархия цветов и определенные предпочтения заметны и в разделении геральдических красок на две категории: первая – серебро и золото, вторая – все остальные. По правилам составления гербов запрещалось соседство двух цветов одной категории. Скажем, если поле щита серебряное, фигура геральдического животного не могла быть золотой.

Теперь перейдем к самим изображениям. В гербах часто рисовали геометрические орнаменты, звериные головы, лапы, хвосты, плоды и листья деревьев. Со временем изображения все больше усложнялись.

По мнению специалистов, первоначально смысл и неповторимость гербам придавали фигуры зверей. До сих пор у трети известных гербов центральный элемент композиции – фигура животного. Предпочтение отдавалось льву (до 15 % в обобщенных данных по средневековой Европе [Пастуро, 2003, с. 58], впрочем, в большинстве центрально- и западноевропейских средневековых государств доля изображений львов составляла 60–70 %, там же, с. 102).

Лев – царь зверей, в этом не сомневаются самые маленькие дети. Однако в природных условиях тех стран, где эти представления столь сильны, львы не встречаются уже несколько тысячелетий или не встречались вовсе. По данным палеозоологов, львы обитали в южной Европе, например, на Балканах, но были истреблены уже в эпохи энеолита – ранней бронзы, то есть за IV–III тыс. до н. э. Еще раньше, в каменном веке, Европу населяли пещерные львы, современники кроманьонцев. Тем не менее, память об этих могучих зверях, а может быть, мифические представления, унаследованные от далеких и южных предков, оказались столь сильны, что лев (а не медведь) – главное геральдическое животное Европы.

Кто знает, насколько далеко в прошлое человечества уходит страх и преклонение перед огромными дикими кошками? Единоборство героя (бога, царя, вождя) со львом, например, важнейший сюжет в наследии древнейшей цивилизации, сложившейся некогда в Месопота-

мии, в междуречье Тигра и Евфрата. Шумерский эпос о Гильгамеше, дошедший на глиняных табличках, рисует картину победы над львом – картину, многократно воспроизведенную в шумерских, аккадских, вавилонских, ассирийских каменных изваяниях и печатях.

Или, может быть, интерес ко львам и леопардам, а значит, истоки звериного стиля имеют еще более глубоко спрятанные причины, таящиеся в подсознании представителей нашего вида?

Этот вопрос не риторический, и ответ на него дали этологи, специалисты по поведению животных и человека. Не секрет, что наши далекие предки, представители гоминидной линии эволюции, очень долгое время, на протяжении миллионов лет, жили в тропической зоне, а точнее, в Африке. Как пишет замечательный зоолог В. Р. Дольник (2004), для наземных приматов, в том числе для прародителей человека, самым страшным хищником был леопард. Поэтому в процессе естественного отбора сформировалась инстинктивная поведенческая программа, заставляющая нас с особым вниманием относиться к внешним признакам крупных кошачьих. Это касается окраски – желтая с черными пятнами до сих пор вызывает у нас подсознательную тревогу, чем пользуются, например, рекламщики или конструкторы дорожных знаков.

В инстинктивной программе «свой», главный хищник – это тот, кто однажды прервет твою жизнь. Его надо бояться. Но, поразительное дело – он же обладает наибольшей притягательностью! По словам В. Р. Дольника, возникший в процессе эволюции инстинкт побуждает приматов восхищаться хищной кошкой. Врожденное «чувство прекрасного» заставляет из безопасного укрытия наблюдать за повадками страшного врага и готовиться к последней встрече с ним. Парадоксальные законы восприятия: мы восхищаемся грациозностью леопардов, львов и тигров, готовых нас сожрать в любую минуту, и как к пародии на человека (вполне безопасной) относимся к нашим ближайшим родственникам – обезьянам.

Пытаясь понять скрытые механизмы человеческого поведения, этологи давно обратили свой взгляд на виды приматов, не столь близкие к нам, как человекообразные обезьяны, но зато живущие в тех же условиях, что и наши предки. Такими животными, населяющими открытые пространства африканской саванны, оказались собакоголовые обезьяны. И, как выяснилось, именно наблюдения за павианами, гамадрилами и бабуинами позволили выявить очень близкие современным людям формы поведения.

Во главе сообщества павианов стоят старшие по возрасту доминантные самцы (самая настоящая геронтократия). Их участь в конце жизни предопределена: либо их свергнут более молодые и сильные, жаждущие власти особи, либо они погибнут в схватке с леопардом. И вот, оказывается, однажды геронт-павиан может пересилить страх и на глазах у своего стада вступить в смертельную схватку с леопардом. В этой без преувеличения героической смерти В. Р. Дольник видит сходство программ поведения с человеком. В древних инстинктивных действиях он усматривает объяснение обычаям многих племен, вожди которых, чтобы подтвердить свой статус, должны были вступать в единоборство с крупным кошачьим хищником (леопардом, львом и тигром в Старом Свете, ягуаром и пумой – в Новом). Соответственно, атрибуты царской власти у человека неслучайно оказываются тесно связаны с крупными кошками, а значит, образ «витязя в тигровой шкуре» превращается в общечеловеческий архетип.

Конечно, подобный взгляд этолога может вызвать у кого-то неприятие. Само по себе сравнение с бабуинами выглядит для нас не слишком лестно. Но как объяснить иначе, чем врожденным инстинктом, экзистенциалистскую тягу к опасности, точно подмеченную А. С. Пушкиным:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

(К теме «упоеания в бою и бездны мрачной на краю» применительно к татуировкам мы еще вернемся.)

Итак, страх и преклонение перед крупными кошками, по-видимому, возникли у наших предков, когда они населяли просторные саванны Восточной Африки. От более ранних стадий эволюции, по мнению этологов, к нам перешло другое наследство – восхищенный интерес к огромным хищным птицам, несущим опасность для мелких приматов. То же можно сказать и о змеях, действующих на человека завораживающе. Любопытно, что мифы о мировом змее (взять для примера скандинавскую мифологию) распространены отнюдь не там, где людям угрожает особая опасность от этих пресмыкающихся.

Но вспомним, наконец, о гербах. Хотя в кельтских, германских и скандинавских землях, там, где царем зверей считался медведь, он так же часто встречался в гербах городов и местного дворянства. Тем не менее, на втором месте по значимости и встречаемости после льва стоит изображение орла. Как отмечает Пастуро, в странах, где популярен лев (Бельгия, Люксембург, Дания), геральдические орлы встречаются редко. И наоборот, есть страны, где изображения царственных птиц доминируют над львами и, тем более, медведями (Австрия, Северная Италия). В целом можно говорить о доминировании в гербах животных и птиц, традиционно связанных с солнечным культом. Таковы орел, лев, лебедь и фантастический феникс (Бенуас Л., 2004, с. 54).

По словам Пастуро, прочее зверье изображалось много реже. К числу геральдических животных, украшавших гербы знати, относились олени, вепри и волки. Домашние животные украшали гербы простолюдинов. Из птиц в геральдический бестиарий попали ворон, петух, лебедь, журавль, цапля, аист. Гораздо реже – утки, павлины, страусы, попугаи. На гербах духовенства красовались голуби и пеликаны.

Чаще всего, изображения птиц были стилизованы. По мнению историков, это скорее архетип птицы или идея птицы, отраженная в гербе. Так же условно изображались рыбы, почему-то называемые в геральдике «окунями».

Отдельную категорию составляли фантастические персонажи: единорог (с ногами буйвола и большим рогом на лбу), грифон (полулев-полуорел), дракон. В образах химер желающие вновь могут усмотреть проявление инстинктивной приматской программы. Совмещение в одном теле животного-защитника частей от льва, орла или змеи – это «комплексное» проявление врожденных образов природных врагов наших предков (Дольник, 2004).

Собственно говоря, средневековый геральдический бестиарий, включая «реалистические» образы зверей и химерических животных, напоминает персонажей «звериного стиля» скифо-сибирского мира в I тыс. до н. э. Здесь нет сцен терзания кошачьим хищником копытной жертвы, но сами по себе большие кошки (львы, леопарды), а также популярные у скифов вепри и олени присутствуют в изобилии. При этом подразумевается более высокий статус животных, связанных с охотой (особенно хищников), и, соответственно, владельцев гербов с подобными изображениями.

Примечательно, что в отличие от изобразительной традиции скифской эпохи в средневековой геральдике не встречаются изображения лошадей (хотя значение этих животных по-прежнему было огромно) и соколов (также весьма ценных птиц, используемых знатью на охоте).

Генетической культурной связи между западноевропейским средневековьем и евразийскими степями раннего железного века нет. Это доказано многими исследованиями.

Но общий культурный стереотип, безусловно, просматривается. Его проще всего объяснить с антропологических позиций, если вспомнить роль охоты в становлении современного человечества как биологического вида. Жизненная важность этого занятия до возникновения производящего хозяйства не отменили престижности охоты и тогда, когда большинство продуктов питания стало возможно добыть иным путем. Военная и феодальная аристократия интуитивно отождествляла себя с хищниками, избирая их в качестве эмблемы. Здесь нельзя не вспомнить и о психоповеденческом превращении в диких зверей, характерном для древней европейской воинской традиции (берсерки и ульфхеднары, люди-медведи и люди-волки).

Впрочем, кросс-культурное сопоставление показывает, что идея «поглощения диким зверем», временного «превращения в хищника» присутствует в обрядах юношеского посвящения у самых разных народов, придерживающихся традиционной культуры (скажем, на островах Океании, в Африке, Австралии).⁴ Поскольку обычаи посвящения основаны мифическими предками племени или божественными существами, их соблюдение позволяет вернуться в изначальное время. А поскольку священный предок в тотемизме – животное, инициация призвана укрепить эту связь.

Итак, герб по смыслу может быть близок татуировке. Татуировка – «неизгладимый знак», это «навсегда». Герб – тоже стремится быть «навсегда», будучи наследственной эмблемой человека. Оба явления носят информационный характер, служат целям общения и в то же время воплощают нечто большее, «приподнимая» обыденное до почти священного.

И, наконец, знакомство с сюжетами средневековых гербов подтверждает, «звериный стиль» – это престижно. А обращение к очень далеким от нас этапам эволюции человека должно убедить нас, что признаком носителя очень высокого иерархического ранга служит его власть над крупной кошкой, хищной птицей и змеей.

⁴ Например, австралийские женщины уверены, что в момент инициации их мальчиков убивает и пожирает таинственное божество, имени которого они не знают. В африканских обрядах посвящения обрезание приравнено к мистической смерти, а исполнители одеты в шкуры львов и леопардов. И в Австралии, и в Африке ритуалы сопровождают звуки трещотки. По мнению Элиаде (2002, с. 69), здесь прослеживаются следы древнего охотничьего культа.

Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история шрама

Интересно, сколько человек осталось на нашей планете начала XXI века из числа тех, кто никогда не слышал о Гарри Поттере? Не исключено, они окажутся в меньшинстве, и это неслучайно.

В книгах английской писательницы Джоан Роулинг воплотилось все то, что так давно хотели «прочувствовать» и прожить вместе с героями миллионы детей и взрослых. Опираясь на интуицию, автор затронула важные, общечеловеческие сюжеты, волнующие всех и каждого. Точнее будет сказать, что кроме интуиции и богатых традиций английской литературы, Джоан Роулинг опиралась на кельтскую мифологию. То есть обращалась к архетипам, образам «коллективного бессознательного», присущим нам всем как представителям биологического вида «человек разумный». Темы борьбы светлого и темного начала, взросления, испытания и многое другое заслуживают подробного освещения, но не они важны для нашего исследования. Важно другое.

Главный персонаж эпопеи Гарри Поттер – мальчик со шрамом на лбу. Эта отметина появилась у героя в младенчестве, в тяжелейший момент, когда его родители были убиты могущественным волшебником Волдемортом, воплощающим все самые злобные силы мира магов. Шрам на лбу Гарри – знак того, что он устоял, когда против него была направлена волшебная палочка «Того-кого-нельзя-называть». Незгладимый знак – метка героя, по ней узнают Гарри Поттера окружающие. Мало того, шрам обладает магическими свойствами, он живет своей жизнью, сообщая владельцу о грядущей опасности, подобно тому, как последствия обычных травм предупреждают нас о перемене погоды. Иными словами, перед нами идеальный образ татуировки: она расположена там, где лучше всего видна; она помогает идентифицировать ее носителя; она защищает (охраняет); она возникла в критический момент, когда герой балансировал между жизнью и смертью (что, хотела того автор или нет, придает истории оттенок испытания и посвящения).

По утверждению швейцарского психиатра Карла-Густава Юнга, высшая цель человеческого существования – процесс «индивидуации», реализуемый через ряд испытаний. Можно сказать, что уже первое серьезное испытание в жизни мальчика Гарри Поттера привело к появлению у него магического неизгладимого знака.

Как удалось выяснить палеоантропологам, шрамы на черепе присутствуют у представителей многих археологических культур, и их появление связано с ритуальной практикой народов древности. Эти шрамы – остатки глубоких рубцов, некогда затронувших не только мышечный слой, но и костную поверхность. Следы поверхностных манипуляций на своде черепа, осуществленных при жизни, венгерский антрополог Лайон Бартуш предложил некогда называть символическими трепанациями. Можно спорить о точности применения подобной формулировки, наверное, правильнее говорить о последствиях скарификации (шрамирования), то есть фактически об одной из разновидностей татуировки. Но термин «символическая трепанация» прижился в научных работах, посвященных описанию некоторых исторических периодов, и, наверное, не стоит его изгонять.

Следам прохождения ритуалов на черепе древнего человека в последние годы было посвящено несколько публикаций (например, Медникова, 2004). Для тех, кому эти работы не попадались, коротко расскажу об «истории шрама».

Сперва – о самых ранних находках. Они относятся к эпохе верхнего палеолита, когда на смену неандертальцам, десятки и даже сотни тысяч лет бывшим единственными европейцами, пришли кроманьонцы, представители современного анатомического облика. При-

шли они в буквальном смысле, то есть мигрировали из тропических широт и, по-видимому, принесли с собой многие новшества в области культурной жизни.

Одним из самых благоприятных районов для расселения кроманьонского человека стала территория древней Моравии. По-видимому, 26 и даже 27 тысяч лет назад там было все самое необходимое для полноценной охоты, включая прежде всего мамонтов. «Отряд» местных кроманьонцев был весьма представительным, о чем говорят крайне многочисленные для такой эпохи находки человеческих скелетов.

В 1995 году известный чешский ученый Е. Влчек опубликовал статью, посвященную странным травмам на черепах у некоторых моравских мужчин эпохи верхнего палеолита. Круглые шрамы располагались в двух местах на лобной кости – строго в центральной части и рядом с анатомической точкой брегма, которая совпадает с самой верхней точкой головы в вертикальном положении. Влчек нашел идентичные повреждения у трех взрослых мужчин из могильника Дольни Вестонице II и выдвинул любопытное объяснение. Прибегнув к этнографическим параллелям, он предположил, что, достигая зрелости, кроманьонцы племени «Дольни Вестонице» проходили ритуальное испытание и вступали в единоборство. В этот момент они могли быть ранены, некоторые раны были глубокими, и эти шрамы мужчины Дольни Вестонице потом с гордостью носили оставшуюся жизнь.

Очень интересное объяснение, но у меня возник вопрос: а почему все следы ранений сконцентрированы только в двух строго определенных точках на голове? Ведь если люди сражаются, травмы, которые они наносят друг другу, просто не должны быть идентичными по форме и локализации. Не манекены же, в конце концов, живые люди, могли и увернуться...

Так родилась идея, что, хотя в целом Е. Влчек безусловно прав, и перед нами – результаты обряда посвящения, речь идет не о травмах, а о преднамеренном нанесении шрамов – ритуальной скарификации или, если хотите, символическом трепанировании.

Просматривая более ранние работы, посвященные кроманьонцам Моравии, я наткнулась на описание еще одного индивидуума, носившего на лбу похожие отметины (данные немецкого антрополога Герберта Ульриха). Им оказался так называемый «шаман» – пожилой мужчина из погребения Брно II. Ни на одном женском черепе подобных изменений обнаружено не было, значит, обряд распространялся только на мужское население.

По-видимому, в строго определенном возрасте, при прохождении инициации юношам наносили неизгладимые знаки, тот самый «священный текст», который делал их полноправными членами мужского братства охотников и воинов, а также говорил посторонним об их принадлежности к определенной племенной группе.

Когда это происходило в кроманьонском обществе? И на этот вопрос сумели ответить археологические и палеоантропологические исследования. В 1986 году на берегу реки Дийе археолог Б. Клима обнаружил удивительное тройное погребение. В нем лежали скелеты сразу трех человек, скончавшихся одновременно и захороненных соплеменниками с особым тщанием. Согласно определениям многих антропологов, изучавших уникальную находку каменного века, в могиле были двое юношей-погодков (16–17 и 17–18 лет) и девушка постарше (около 20 лет). По некоторым признакам, передающимся по наследству, молодые люди состояли в тесном родстве, даже могли быть братьями и сестрой. Так вот, на черепе юноши постарше следы испытания присутствуют, а на черепах его младшего брата и сестры никаких шрамов нет. Значит, с большой долей вероятности, можно говорить о сроках мужской инициации у центрально-европейских кроманьонцев – около 18 лет.

По-видимому, ученым еще предстоят громкие открытия в этой области, которые будут свидетельствовать о практике манипуляций с телом и среди других кроманьонцев. Например, петербургский антрополог И. И. Гохман идентифицировал на черепе одного из более поздних представителей верхнепалеолитического населения, жившего в знаменитых

Костенках, на территории современной Воронежской области, следы еще одной поверхностной операции, выполненной, к тому же, сверлением. Подробная публикация этой сенсационной находки еще предстоит.⁵

Мы уже упоминали в первой главе, что скарификация, в отличие от более поверхностной татуировки, характернее для тропических регионов, где живет темнопигментированное население, у которого рисунки на коже просто не видны. Если предки европейского *Homo sapiens* жили в Африке, то, скорее всего, они тоже имели темную кожу. Может быть, еще тогда, на заре человечества, и зародился обычай рубцевания, позже распространившийся с мигрантами на север? Пока ответить на этот вопрос невозможно.

Как бы там ни было, но 12 тысяч лет назад скарификацию практикуют жители Северной Африки (эпоха эппалеолита, археологические памятники Тафоральт и Афалу-Бурмель). Позже, в новом каменном веке, мы встречаем обычай шрамирования головы у обитателей Испании, Франции, Италии. В медном и раннем бронзовом веке, по данным антропологов, ритуальные неизгладимые знаки распространены от Балкан до Южной Сибири. Рубцевание головы сохраняется до относительно позднего времени, когда уже можно опираться не только на антропологию, но и на письменные источники (о последних см. далее в этой главе). В позднеримское и ранневизантийское время искусственные шрамы на черепе присутствуют у 12 % исследованного населения египетской Нубии. Причем шрамы не только на лбу, но и височно-теменной области, и даже на затылке. Этому воздействию подвергались преимущественно мужчины, но все же со шрамами встречались женщины, подростки и маленькие дети. Повторяем, речь идет не о травмах, а о рубцах, наносившихся в строго определенных местах.

В Европе последний всплеск этой традиции связан с эпохой Великого Переселения народов. В результате этого широкомасштабного процесса огромные толпы кочевников сдвинулись с места на востоке и за несколько столетий существенно перекроили этническую и политическую карту Старого Света. Очевидно, они могли принести в Европу некоторые обычаи, уже считавшиеся в областях, развивавшихся под влиянием античной цивилизации, архаическими. Но как иначе объяснить тот факт, что в X–XI веке каждый третий взрослый человек, погребенный в могильнике Одртци на северо-востоке Болгарии, имел символические знаки на черепе? В X веке «поверхностное трепанирование» широко практиковали венгры, отказавшиеся от этих действий после принятия христианства.

Здесь мы говорили только о тех сведениях, которые получены археологами и палеоантропологами. Но даже при всей неполноте этих данных можно убедиться, что история «шрама Гарри Поттера» богатая.

⁵ Я крайне признательна Илье Иосифовичу Гохману, познакомившему меня с этим уникальным образцом хирургии каменного века.

Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов

Перейдем к письменным источникам. Достоверность их, конечно, не столь высока, как в случае археологии и этнографии. Тексты пишут люди, а они всегда субъективны, каждый видит мир по-своему. Кроме того, древние авторы не всегда были хорошо информированы, они вынужденно полагались на чужие рассказы и впечатления. Вот и получилось, что в памятниках древней письменности много совершенно фантастических сведений про обычаи других народов. Задача современных ученых – уметь найти рациональное зерно в описаниях, а иногда откровенных сплетнях древних авторов. Дело это непростое, и комментарии историков иногда поражают разнообразием подходов.

Кстати, бумага, как известно, недолговечна, да и изобрели ее относительно недавно. До бумаги использовали выделанную кожу. Ну и, конечно, всем известно про египетские папирусы. Но все это материалы довольно быстро портящиеся. И мы должны сказать спасибо неизвестным переписчикам чужих рукописей, передававших эстафету накопленных предшественниками знаний следующим поколениям. Но как же дошли до нас образцы более древнего письма?

Их сохранили более прочные «носители» текстов – камни и глиняные таблички. Например, в 1901–1902 гг. французская археологическая экспедиция производила раскопки в Сузах (столице древнего государства Элама) и откопала черный базальтовый столб, покрытый письменами. Так были открыты законы вавилонского царя Хаммурапи, правившего в XVIII в. до н. э. В этом древнейшем из дошедших до нас уголовном кодексе очень четко определены наказания за разные виды преступлений. Там присутствует и информация о разных «неизгладимых знаках», наносимых на тело преступника. По всему видно, что в «вечном обиталище царственности», которым был провозглашен Вавилон, причинение телесного вреда наказывалось адекватной манипуляцией. То есть казнью было повреждение тела провинившегося.⁶

Одним из важнейших литературных памятников, вобравшим в себя огромный пласт сведений о повседневной жизни народов Древнего Востока, является Библия. Есть там и упоминания о татуировках, но для того, чтобы это понять, иногда приходится сравнивать переводы священных текстов на разные языки.

Например, в русском переводе Ветхого Завета приведены слова Исаяи (44, 5):

Один скажет: «я Господень»,
Другой назовется именем Иакова;
А иной напишет рукою своею: «я Господень»,
И прозовется именем Израиля.

В новом переводе Библии на английский язык эта фраза имеет совершенно иное значение: «Этот человек скажет: “Я человек Господа”... другой напишет имя Господа на своей руке» («This man will say, “I am the Lord’s man”... another shall write the Lord’s name on his

⁶ В некоторых статьях законов Хаммурапи можно усмотреть свидетельства манипуляций с телом. Например, § 215 говорит о медицинском воздействии: «Если врач сделал человеку надрез бронзовым ланцетом и исцелил человека или на виске человека сделал надрез бронзовым ланцетом и исцелил глаз человека...». В других пунктах говорится о загадочных «рабских знаках» – может быть, особых прическах или даже самих татуировках. § 226: «Если цирюльник без ведома хозяина рабский знак чужому рабу сбрил, этому цирюльнику должны отрезать руку» (История Древнего Востока, 2002, с.184, 185).

hand»). Неудивительно, что англоязычные ученые используют слова Исаяи как косвенное свидетельство использования татуировки народом Израиля в I тыс. до н. э.

«И сделал Господь (Бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Бытие, 4, 17). Некоторые читатели Библии на английском языке также предпочитают интерпретировать в этом отрывке божественное проклятие как вполне материальный знак на теле (MacQuarrie, 2000, p. 35). Да и мы что-то слышали про Каинову печать...

Гораздо более определенную информацию содержит третья книга Моисеева.

«Ради умершего не делайте надрезов на теле вашем, и не накалывайте на себе письмен. Я Господь (Бог ваш)» (Левит, 19, 28).

Из этого отрывка становится совершенно ясно, что в языческой традиции, предшествующей принятию иудаизма, было принято обозначать траур по покойному манипуляциями с телом. Подобная практика весьма широко распространялась по миру еще в самое недавнее время. В частности, она была неоднократно описана у австралийских аборигенов варрамунга, у которых подобное поведение было тесно связано с их религиозными представлениями. В соответствии с верованиями коренных австралийцев, смерть, как правило, происходила от колдовства, которому следовало противопоставить не менее мощную магию, способную защитить оставшихся в живых.⁷

Если подобными представлениями руководствовались древние жители Ближнего Востока, неудивительно, что сторонники новой религии (иудаизма) вели упорную борьбу с местными траурными церемониями. Тема неизгладимых знаков вновь и вновь возникает в голосах ветхозаветных пророков.

И будет вместо благовония зловоние,
и вместо пояса будет веревка,
и вместо завитых волос плешь,
и вместо широкой епанчи узкое вретиче,
вместо красоты клеймо.

(Исайя, 3, 23)

«И умрут великие и малые на земле сей; и не будут погребены, и не будут оплакивать их, ни **терзать себя**, ни стричься ради них» (Иеремия, 16, 6).

«У каждого голова гола, и у каждого борода умалена; у всех **на руках царапины** и на чреслах вретиче» (Иеремия, 48, 37).

В пророчестве о грядущем конце:

«Тогда они подпояшутся вретичем, и обоймет их трепет; и у **всех на лицах будет стыд**, и у всех на головах плешь» (Иезекиль, 7, 18).

Итак, священные тексты Библии, порицая траурные обычаи народов Ближнего Востока, связанные с причинением себе увечий, в то же время сообщают нам о живучей, устойчивой традиции наносить «клеймо», «письмена», «царапины» в знак скорби по умер-

⁷ Красочное описание погребальных обрядов австралийских аборигенов оставили еще ранние исследователи Спенсер и Гиллен. «Все мужчины, принадлежащие к определенной категории родства по отношению к умирающему, стали наносить себе каменными ножами глубокие раны в бедро, в то время как некоторые из женщин резали кожу у себя на голове заостренными концами своих копательных палок, пока кровь не потекла по их лицу. Плач и вопли продолжались, пока не наступила действительная смерть, после чего вся сцена возобновилась, мужчины и женщины бросались на тело, мужчины ножами наносили себе раны, женщины палками резали свои собственные головы или головы других женщин. ...Весь следующий день был заполнен траурными церемониями. Все мужчины, находившиеся с умершим в определенной степени родства, лежали с раскрытыми ранами на бедрах. Некоторые из них срезали свои волосы и сжигали их, а головы смазывали глиной, в то время как другие срезали свои бороды... Многие из женщин должны были, как того от них требовал обычай, наносить себе своими палками раны в голову, и, если они этого не делали как следует, они рисковали получить должное наказание от своих братьев. (Народы мира, 1916, с. 131)

шему. Судя по всему, во II–I тыс. до н. э. этот обычай был широко распространен в Палестине и Восточном Средиземноморье. Траурные церемонии, вообще, весьма консервативны. Покойный, отправляясь в мир иной, должен был получить «все, что ему положено». Если необходимые процедуры соблюдены, он станет «предком» и защитником для оставшихся на земле представителей своего рода. Ну а если традиция нарушена? Если умерший не был должным образом оплакан и сопровожден в царство мертвых? Серой тенью будет он скитаться среди людей и может из потенциального защитника превратиться в мстителя. Подобного рода соображения побуждали к крайне скрупулезному соблюдению погребальных обрядов. Фигура плакальщика здесь далеко не последняя. И если скорбящий по покойному наносил на свое тело неизгладимый знак, он отправлял ритуал, необходимый в его представлении, для благополучия оставшихся живых. Поэтому мы можем допустить, что проповеди ветхозаветных пророков, запрещавшие плакальщикам терзать свое тело на похоронах, наносить шрамы и наколки, долгое время оказывались неэффективными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.